

Конфликтология современного терроризма в контексте риск-рефлексивного подхода*

А. Н. Сунами, К. В. Крюкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Сунами А.Н., Крюкова К.В. Конфликтология современного терроризма в контексте риск-рефлексивного подхода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 116–130. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.110>

В статье исследуется конфликтная природа современного терроризма. Этот феномен предлагается рассмотреть через призму риск-рефлексивного подхода. Современный терроризм во многом утрачивает прежние онтологические черты, привязку к географической, культурной или политической локации, а манифестируемые им цели приобретают экзистенциальный характер. Анализируется актуальная академическая дискуссия вокруг современного терроризма, дается его базовая интерпретация как способа конфликтного действия в политической борьбе, характерной чертой которого является использование открытого насилия в отношении гражданского населения, находящегося под той или иной степенью защиты оппонента, и вследствие этого формирование устойчивых социальных фобий, влияющих на процесс принятия политических решений. Используя оригинальные исследовательские интерпретации современного терроризма как «супертерроризма» (Е. А. Степанова), «террористической ситуации» (Ж. Бодрийяр), «глобальной войны» (М. Хардт, А. Негри), и классические теории конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга, Л. Крисберга, авторы приходят к выводу, что изменившиеся параметры данного феномена приводят к трансформации конфликта, в рамках которого он используется, в перманентную конфликтную ситуацию, принципиально не предполагающую перехода квазигрупп в реальные конфликтные группы, или же в нереалистический конфликт, где террор и порожаемый им страх из инструмента политической борьбы превращаются в самоцель. Можно заключить, что привычное конфликтологическое рассмотрение терроризма преимущественно в терминах политической борьбы системы и антисистемы не является достаточным, на первый план выходит проблема специфических реакций на террористические угрозы, обозначаемые как риск-рефлексии. Как показывается в статье, возможности социальных групп соотносить ответ на угрозы с реалистическими параметрами терроризма значительно снижаются. Статья ставит вопрос о высокой опасности перехода риск-рефлексии терроризма в формат социальной фобии, стихийно актуализирующийся и затухающей в результате манипулятивного воздействия на нее используемых элитными группами дискурсивных стратегий. Утверждается, что совокупность издержек, порождаемых новым форматом терроризма, становится серьезным фактором для современных практик поддержания социального порядка, его конфликтоустойчивости и конфликтоспособности в условиях глобальной конкуренции.

Ключевые слова: терроризм, конфликт, риск, риск-рефлексия, управление конфликтами, дискурсивные стратегии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00115).

Прежде чем приступить к непосредственной реконструкции конфликтологической концептуализации терроризма, необходимо отметить, что когда некое явление столь прочно фиксирует себя в международной и локальной повестке дня, как, например, это произошло с исследуемым нами феноменом в последние десятилетия, требуется чрезвычайное интеллектуальное усилие для того, чтобы, отказавшись от представляющегося очевидным, вернуться к истоку, к экспликации самого концепта. В то же время попытка пересмотра термина «терроризм» в том виде, в каком он безапелляционно презентуется международным истеблишментом, уже сама по себе несет конфликтный потенциал как своеобразный вызов устоям и даже (что, конечно же, совершенно нелепо) может навлечь на ученого обвинение в оправдании террористов. Несмотря на это, цели данной статьи настойчиво требуют обратиться к сложным вопросам, составляющим контент текущей дискуссии на тему терроризма.

Современное интеллектуальное пространство предлагает богатство острых вопросов о терроризме, мы остановимся на тех из них, которые касаются его сути как важного элемента настоящей социальной ситуации. Стандартный подход, безусловно, потребовал бы от нас для начала сосредоточиться на проблеме определения данного понятия, но к этой теме мы обратимся позднее. Дискуссия о терроризме выводит явление за пределы его сухого определения. В целом можно сказать, что терроризм фиксируется не просто как некие частные проявления насилия, а как феномен, позволяющий уловить дух эпохи. Это хорошо видно на примере вопроса об истории терроризма, т. е., используя терминологию Ф. де Соссюра, о том, синхрония или диахрония должны лечь в основу исследования о его развитии. Простым подходом было бы провести прямую генеалогию терроризма, выделив, например, непрерывную линию политических убийств с древнейших времен до настоящего времени, но суть современной философской ревизии террора и состоит в том, чтобы показать: то, что мы сейчас называем терроризмом, не имеет никакой предшествующей истории. Ж. Бодрийяр в своем скандальном эссе «Дух терроризма» пишет о мире после 11 сентября 2001 г. следующее: «Террор против террора — за этим больше не стоит никакой идеологии. Отныне мы далеко за пределами идеологии и политики. Энергия, которая питает террор, не имеет строгой причины и не может быть понята в рамках какой-либо идеологии, даже исламистской. Ее цель уже больше не в том, чтобы преобразовать мир, а в том, чтобы его радикализировать с помощью жертвоприношения (на что в свое время были направлены ереси), в то время как цель системы в том, чтобы реализовать себя с помощью силы» [1, с. 97]. Он заключает, что традиционные противоречия, отражением которых терроризм был доселе — слабых с сильными, угнетенных с угнетателями, ислама и Америки, — теперь утрачены, сегодня терроризм — это борьба глобализации с самой собой. Н. А. Грякалов в монографии «Фигуры террора» фиксирует ту же не историчность современного терроризма в таком положении: «... между историческим и постисторическим террором нет никакой связи: если первый направлен на совокупность вещей (изменения строя) — и в этом смысле “космичен”, то второй, напротив, направлен на внутримировое перераспределение (в контексте которого между Усамой Бен Ладеном и Биллом Гейтсом нет никакой разницы)» [2, с. 76]. И там же: «... нет больше ни Дионисия, ни Наполеона, ни Гитлера, политическая история бытия сворачивается к оглушенному состоянию». «Представление о том,

что «террористическая ситуация» и состояние «глобальной войны» являются наиболее характерными свойствами современного либерального миропорядка, что глобализация и терроризм — глубоко взаимосвязанные симптомы всеобщего политического и экономического кризиса, в который мир погрузился на рубеже XX–XXI вв., становится на данный момент чрезвычайно устойчивым в гуманитарных науках, философской и политической публицистике» [3, р. 277]. Выделенная здесь линия размышлений о современном терроризме является чрезвычайно важной и станет своеобразным фреймом других вопросов дискуссии о терроризме, к которым мы будем обращаться далее.

В контексте вышесказанного рассмотрим традиционную дихотомию система — антисистема, в русле которой прежде выделялась одна из важнейших онтологических характеристик терроризма [4, с. 7]. Именно в фарватере такой модели строится в настоящее время антитеррористический дискурс Европейского союза, центральное место в котором, по мнению К. Бейкер-Билла, занимает опора на «европейскую идентичность», играющая ключевую роль в конструировании террористического Другого [5]. При этом важно, что здесь не идет речь о несовместимости интересов, ассоциированных с общим благом, и частных интересов, о которой мы писали в прошлых работах в отношении противоречий государства и наркорынка [6], а фактически ставится вопрос о противопоставлении небытия бытию.

Официальная трактовка терроризма (мы начали с того, что указали на ее сомнительность, но так и не привели ее саму) заключается в исключении его из пределов некоего морально признаваемого пространства действия той или иной системы. Так звучит формулировка терроризма в российском законодательстве: «...терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий»¹. Действительно, в этом терроризм схож с иными явлениями, как то радикализм, экстремизм, представляя собой по отношению к ним еще более крайнее действие. В этом понимании террор как метод становится подчиненной характеристикой по отношению к субъекту, который это действие совершает. Терроризм презентуется как проблема утраты государством монополии на насилие, и даже если государство использует нечто, до степени смешения схожее с терроризмом, это действие не квалифицируется таким образом, а даже если и квалифицируется, то в отношении государства, не признаваемого частью глобального цивилизованного мира, являющегося государством-изгоем. Это еще раз подчеркивает разницу между современным и историческим терроризмом. Если в ретроспективе мы без проблем находим примеры «плохой войны», как это называлось в Средневековье или официальное объявление в революционную эпоху якобинского, красного, белого и какого-то иного благословленного новой властью террора, то современные государства будут изгнаны из семьи цивилизованных стран, если ключевыми мировыми политическими акторами их действия будут признаны террористическими. В научной литературе, конечно, можно встретить классификацию политического террора, подобную той, что предложил Дж. Пост, включив в нее наряду с негосударственным терроризмом

¹ О противодействии терроризму. (Закон Российской Федерации): офиц. текст // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31, ст. 3452.

поддерживаемый государством (state supported terrorism) и государственный терроризм (state or regime terrorism) [7], но даже бегло ознакомившись с правовыми статусами государств в текущей международной практике, мы не найдем обладающих юридическим весом примеров государственного терроризма. С некоторой натяжкой примерами поддерживаемого государством терроризма, по крайней мере для западной версии мира, можно считать страны, входящие в формируемый Государственным департаментом США небогатый список спонсоров терроризма, в который по состоянию на 2019 г. входят Сирия (с 1979 г.), Иран (с 1984 г.), Судан (с 1993 г.), КНДР (вновь включенная в 2017 г.). Что еще раз подтверждает тезис, что вне зависимости от степени «террористичности» используемых в конфликте инструментов, монополией на легитимное насилие обладает государство, а монополией на терроризм — негосударственные акторы.

Раскрыв основные коллизии современной дискуссии о терроризме, но держа ее в голове, перейдем к экспликации конфликтологического понимания концепта «терроризм». Какими основными характеристиками, кроме кратко обозначенных выше, наделяется терроризм в научной литературе и отгораживается одновременно от близких понятий, например экстремизма? Мы здесь не планируем погружаться в долгую дискуссию о соотношении понятий террор, терроризм, террористы. Несмотря на то что в научной литературе по теме мы можем встретить указание в отношении данных понятий, что «не следует объединять близкие категории, находящиеся под рукой, оптом в свои описания и объяснения происходящих политических процессов» [8, р. 5], цели настоящей статьи не предполагают их отграничения друг от друга. Здесь, конечно же, стоит отметить, что однозначной интерпретации концепта, разделяемой всем экспертным сообществом, не существует. Несмотря на встречающуюся в научной литературе позицию, в частности, Э. Лакера, что отсутствие широкого академического консенсуса вокруг понятия терроризма не является значимым препятствием для анализа данного феномена [9], цели настоящей статьи требуют хотя бы базовой научной позиции по этому поводу. В широко цитируемой работе Е. А. Степановой «Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты» также подчеркивается отсутствие универсального понятия терроризма, а причиной непреодоления данной лакуны, помимо объективных академических затруднений в четком определении столь сложного и разнообразного феномена, является крайняя политизированность в оценках тех или иных кейсов [10, с. 19]. Как мы уже писали в предыдущих работах, «отнесение тех или иных группировок <...> к кругу международных террористов является предметом торга между крупными мировыми игроками по вопросу, кого считать террористами, а кто является умеренной оппозицией различным восточным “тиранам”» [11, с. 81]. Указав на данную сложность, Е. А. Степанова тем не менее совершает попытку дать универсальное определение терроризма как «преднамеренного использования или угрозы насилия со стороны негосударственных игроков против гражданских лиц и некомбатантов для достижения политических целей путем давления на государство и общество» [10, с. 30]. Тем самым она выделяет три критерия: 1) политический характер целеполагания террористов, 2) специфический объект атак, т. е. некомбатанты и гражданские лица, и, наконец, 3) «статусная асимметрия» оппонентов. Особое внимание следует обратить на последний критерий, который является, конечно же, очень важным для всей концепции, предлагаемой Е. А. Сте-

пановой. Если мы, говоря о монополии негосударственных акторов на терроризм, скорее имели в виду некий политехнологический фокус, то в данном случае это однозначно сформулированная методологическая позиция, которая заключается в том, что насилие со стороны государства в отношении гражданского населения, вне зависимости от методов, «является чем угодно, только не терроризмом» [10, с. 35]. И если третий критерий остается для нас весьма дискуссионным, с первыми двумя, безусловно, стоит согласиться, дополнительно остановившись на критерии объекта террористических атак.

Важно подчеркнуть, что в отличие от других форм насильственного воздействия, терроризм обладает важной чертой, подчеркиваемой первичным латинским значением слова террор — страх, ужас. Согласно докладу авторитетного Национального консорциума по изучению терроризма при Университете штата Мэриленд (The National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism) за 2018 г., в прошлом году в мире было совершено 9600 террористических актов, в которых погибло 22 980 человек, включая 7290 подозреваемых в терроризме и 15 690 непосредственных жертв [12]. Безусловно отдавая дань памяти погибшим от рук террористов, не можем тем не менее не указать, что в общей мировой статистике жертв насильственных преступлений их число невелико. Совершенно очевидно, что маркирование проблемы террора как глобальной обусловлено тем тривиальным обстоятельством, что объектом атак являются не только и не столько непосредственные жертвы терроризма. Адресат атаки гораздо шире, террористический акт — это своеобразное послание большим социальным группам, крупным международным игрокам. Именно страх, порождаемый террором, и делает специфичным данный способ влияния на принятие политических решений. Мы, конечно, не стали бы подробно останавливаться на этой мысли о первичном качестве терроризма, которая выглядит некоторым трюизмом в современной научной дискуссии, но дальнейший ход наших рассуждений требует такого акцента.

И наконец, еще одна черта терроризма — его конфликтная природа. Конфликтность терроризма, априорно присутствующая в качестве фона академической дискуссии вокруг этого явления, в конфликтологии приобретает инструментальный и методологический характер. Терроризм — это в первую очередь специфический способ конфликтного действия, а следовательно, мы имеем все возможности применять к нему стандартную процедуру конфликтологической экспертизы, точнее, даже не к самому способу, а к тому конфликту, в котором он используется. То же мы проделывали в предыдущих работах в отношении экстремизма, в которых последний нами определялся как «способ конфликтного действия, характеризующийся крайними формами насилия, пренебрежением существующими в данном обществе формальными и неформальными стереотипами конфликтного поведения, требующими предельной степени мнимой или реальной гомогенности как себя, так и врага, отрицанием компромиссных моделей выхода из конфликта, приводящим к приобретению таким конфликтом черт антагонистичности и контраверсивности» [13, с. 178]. Дабы не занимать много времени дискуссией о соотношении экстремизма и терроризма, мы остановимся на позиции, согласно которой экстремизм — это крайний способ конфликтного действия, а терроризм — это его еще более крайнее продолжение, хотя и не обязательно ему следующее. Соответственно, нашей базовой интерпретацией является понимание терроризма как способа конфликтного

действия в политической борьбе, характерной чертой которого является использование открытого насилия в отношении гражданского населения, находящегося под той или иной степенью защиты оппонента и, вследствие этого, формирование устойчивых социальных фобий, влияющих на процесс принятия политических решений.

Традиционное понимание конфликтов, в которых используется данный способ политической борьбы, мы обнаружили выше в концепции Е. А. Степановой. Как правило, этот конфликт описывается как противостояние асимметричных оппонентов, а использование террористического метода обуславливается этой асимметрией, т. е. слабостью, плохой оснащенностью, короче говоря, отсутствием у террористов всего того арсенала инструментов насилия, который есть у мало-мальски устойчивого государства. Второй чертой данного конфликта, может быть даже гораздо более значимой, чем отсутствие технических средств, чтобы сражаться с государством на равных, являются проблемы, связанные с манифестацией конфликта, в конечном счете могущие приводить к использованию террористических методов. Имеется в виду то, что изначальная повестка таких конфликтов, по крайней мере для государства, зачастую несет характер коренного пересмотра существующего политического статус-кво (сепаратизм, требование автономий и пр.). Как правило, даже манифестация такого рода требований строго карается почти в любой национальной правовой системе. Таким образом, легальные способы борьбы за свои интересы и потребности оказываются недоступными для тех или иных социальных групп. Тем самым, оказываясь вне закона еще до момента совершения каких-либо насильственных преступлений, не имея никакой легальной площадки для политической борьбы по правилам, наиболее радикальные элементы в составе этих социальных групп получают некий карт-бланш, в то время как умеренные силы, напротив, не имея возможности предложить внятную альтернативную насильственным действиям стратегию поведения, утрачивают способность влиять на процесс выбора линии политической борьбы. Несмотря на то что «юриспруденция и криминология являются главными дисциплинами, сопровождающими меры правительства по борьбе с терроризмом с точки зрения их влияния на формирование дискурса о тактике и пределах борьбы с терроризмом» [14, р. 159], альтернативные подходы выглядели в сравнении с ними не менее обоснованными. Соответственно им формировались представления о возможности купирования угроз через либерализацию политической системы, а общая гипотеза заключалась в том, что «внутренний терроризм в значительной степени (но не исключительно) является результатом предполагаемого лишения права голоса меньшинства, и что это чувство лишения гражданских прав может быть исправлено путем введения более инклюзивных и ориентированных на консенсус политических институтов, <...> ибо терроризм является в меньшей степени результатом социальных и экономических условий, чем результатом политических факторов, таких как чувство политического бесправия меньшинств [15, р. 503–504].

Это классические представления о конфликтах с использованием террористических методов. Но насколько мы можем оставаться в формате традиционных подходов, учитывая указанные нами выше драматические изменения в характере современного нам терроризма?

С позиции общей теории конфликта в варианте К. Боулдинга или Л. Крисберга субъекты противоборства являются ключевым элементом конфликта, без четкого маркирования которого никакая его экспертиза невозможна. Это обусловлено тем, что субъекты конфликта, во-первых, вынужденно или добровольно порождают сам конфликт, во-вторых, формируют его содержание и определяют динамику борьбы. Тем самым все другие элементы конфликта (предмет, объект, зона разногласий и др.) оказываются в подчиненном к субъектам положении. Таким образом, в отношении традиционного терроризма мы могли применить весь корпус имеющихся в распоряжении конфликтолога средств, от общей теории конфликта до теории игр в исследовании тех или иных аспектов терроризма, например «для выявления истинного воздействия терроризма на экономический рост, применения пространственной эконометрики к изучению терроризма, определения факторов, определяющих долговечность террористических групп, и изучения путей развития международного сотрудничества в борьбе с терроризмом» [16, р. 257]. Но в настоящее время мы сталкиваемся с известными трудностями. Все сказанное позволяет нам конкретизировать философскую дискуссию, с которой мы начали, постановкой следующей проблемы: а не имеем ли мы дело с новым форматом терроризма по причине пропажи субъекта этого самого терроризма или, по крайней мере, в силу кардинального изменения его характера? Взятие на себя ответственности за атаку является ключевым элементом процедуры теракта, ибо адресат послания должен четко знать, от кого оно пришло. Следствием служит то, что, несмотря на конспиративность террористических организаций, их список, так же как и характер требований, хорошо известен, что делало прежде возможным их конфликтный анализ и выработку, конечно же, с определенными допущениями, рекомендаций по купированию исходящей от них террористической угрозы. Что же изменилось в этой части? Оставаясь в русле традиционного подхода, Е. А. Степанова тем не менее фиксирует появление нового типа терроризма — супертерроризма, который имеет глобальный характер, т. е. не привязан к какой-либо локации, и экзистенциальные цели, не могущие быть предметом переговоров [10, с. 27]. Очевидно, что именно такой тип терроризма и имеет в виду Ж. Бодрийяр, когда пишет о «террористической ситуации».

Такое положение вещей вынуждает нас констатировать снижение потенциала конфликтного подхода в анализе терроризма, по крайней мере в формате предлагаемого стандартными алгоритмами конфликтологического исследования. По сути, мы вообще не можем сказать ничего существенного о таких конфликтах, которые трансформируются в некую абстрактную конфликтность или конфликтную ситуацию, где все составляющие элементы противоборства находятся в состоянии перманентного ожидания своего оформления, или, пользуясь терминологией Р. Дарендорфа, имеем дело с неким каузальным фоном латентных конфликтных интересов, обусловленных наличием в любом социальном пространстве неравенства, в котором сами субъекты представляют собой квазигруппы, не имеющие четко сформулированных целей и программ их достижения [17]. Даже сам термин «международный терроризм» подчеркивает отсутствие привязки террористических групп к какой-либо территории, в то время как наличие такой локации, точнее, характерных для нее в данное время политических, социально-экономических или культурных противоречий хоть как-то могло бы помочь исследователю конкрети-

зировать причины и детерминанты конфликта. Таким образом, мы можем лишь фиксировать наличие некоего глобального террористического проекта, не поддающегося внятному конфликтологическому описанию. Впервые такой проект был нам явлен в лице «Аль-Каиды», а более «совершенной» его версией, безусловно, стало «Исламское государство» (обе организации запрещены на территории России). В настоящее время мы имеем дело с феноменом террористических франшиз — брендов, позволяющих эффективнее осуществлять фандрайзинг, вербовать сторонников и т. д., при этом очевидно, что присоединение нигерийской «Бока Харам» или сомалийских группировок к ИГ совершенно не означает координацию их деятельности из Эр-Ракки или Мосула. В конечном счете это приводит к тому, что даже когда теракт происходит на определенной территории, в отношении конкретной социальной группы, совершившие его осознанно обнуляют субъектность этого действия, делегируя ответственность за атаку «Исламскому государству», т. е. по сути никому. Более того, используя исследовательский подход Г. Зиммеля и Л. Козера, мы можем зафиксировать очевидный переход терроризма из разряда реалистических конфликтов, в которых такое конфликтное действие является лишь средством достижения политических целей, в ранг нереалистических конфликтов, в которых террор является целью сам по себе. Конечно же, это не просто способ сброса «враждебных импульсов», как это описывается Л. Козером, и здесь мы должны перейти ко второй части нашего сюжета, а именно к проблеме риск-рефлексии.

Как мы уже отметили выше, не непосредственные жертвы терроризма, выбор которых зачастую случаен, являются истинными адресатами послания. Терроризм — не просто насильственное преступление по политическим мотивам, он зачастую несет в себе символический заряд с целью воздействия на аудиторию помимо непосредственных жертв [18, р. 42]. Мы разделяем мнение о том, что «терроризм — это не просто эмпирический факт, который лишь требует соответствующего наблюдения и каталогизации его процесса и способов работы <...> как социальный факт, терроризм частично определяется убеждениями действующих лиц, вовлеченных в сложную сеть этой практики <...> повседневное понимание терроризма имеет важное значение для любого общественного научного описания терроризма, хотя оно не может устанавливать пределы этого понимания» [19, р. 100].

Риск-рефлексия понимается нами как постановка вопросов и комплексное осмысление ситуации, в которой находятся акторы в «обществе риска», и ее политическая интерпретация. При этом разрабатываемая нами конфликтологическая интерпретация риск-рефлексии основывается на том, что, во-первых, любой риск конфликтен по своей сути, ибо каждая проблема, будь то экология или терроризм, может быть отождествлена с чьими-нибудь интересами; во-вторых, что влияние риск-рефлексии на адаптацию к изменяющимся условиям амбивалентно; и, в-третьих, что риск-рефлексия как особая дискурсивная практика обладает высоким манипулятивным потенциалом для формирования повестки дня, выбора способа защиты от угроз, персонификации субъекта риска. Актуальность такого подхода обуславливается необходимостью интегративного рассмотрения локальных и глобальных версий «обществ риска» как дискурсивного режима бинарности, при котором зачастую «штатные и типичные риски», производимые в рамках легитимных институциональных структур, воплощаются, используя терминологию

М. Фуко, в определенных «стратегических ансамблях истеризации, педагогизации или психиатризации» [20]. При этом стабильность/нестабильность достигается через деконструкцию и десубъективацию конфликта, когда рациональное зерно действительно несовместимых интересов камуфлируется искаженным восприятием угроз и опасностей.

Исходной точкой наших рассуждений в этом контексте служит предположение, что изменение характера восприятия терроризма широкой аудиторией является если не осознанной задачей пока еще не очевидных игроков, то, по крайней мере, следствием создания новой версии терроризма. Академическая дискуссия вокруг реакции аудитории на террористические атаки часто приводит к постановке острого вопроса: насколько реалистична транслируемая элитами экзистенциальная угроза терроризма? Так, часто цитируемые в отечественных источниках психологи Дж. Кипер и Р. Сосис считают, что «несмотря на политическую риторику и длину новостных передач <...>, предполагаемая угроза (терроризма) может оказаться не настолько смертельной, как это кажется» [21, р. 116]. Действительно, мы выше приводили статистику, которая подтверждает, что терроризм кажется менее опасным, чем, например, автомобиль. Склонность людей переоценивать возможность терроризма, т.е., в нашей терминологии, деструктивную риск-рефлексию, они же объясняют тем, что «вследствие активации модуля страха, который, как и человеческая реакция на пауков или змей, усиленно реагирует на крайние признаки смерти или насилия, независимо от реального уровня угрозы, порождаемой стимулами» [21, р. 116]. Конечная мысль авторов заключается в необходимости поиска наиболее адекватного режима восприятия терроризма, релевантного масштабу риска.

Характеристики «нового терроризма», очевидно, предоставляют силам, формирующим повестку дня, широкие возможности для интерпретации риска, связанного с международным терроризмом, ибо, как мы уже показали выше, его основной характеристикой является отсутствие какого-либо фрейма субъектов, их целей, программ, локальной привязки и т.д. При подобном резком изменении формата конфликта риск, продуцируемый терроризмом, становится некоммуникабельным, связывается только с решениями и действиями власти (их импульсивностью и ситуативностью, искаженностью управленческой информации, отсутствием альтернативных решений, атмосферой «чрезвычайной легитимности»), а мир вокруг нас осознанно или случайно структурируется как пространство «отложенной нестабильности». В связи с этим представляется чрезвычайно своевременным методологический посыл, предложенный С. Хилгартнером и Ч. Боском: «...социальным проблемам (и функционерам, которые их выдвигают и поддерживают) приходится конкурировать в ходе этих взаимодействующих процессов как за то, чтобы быть включенными в публичную повестку дня, так и за то, чтобы остаться в ней. Успех или неудача в этой борьбе необязательно связаны непосредственным образом с числом людей, которых затрагивает проблема, степенью вреда (измеряемой посредством определенного набора критериев) или какими-либо другими независимыми переменными, которые, как предполагается, являются показателями важности проблемы» [22, с. 78].

Оценка восприятия россиянами рисков, связанных с терроризмом, кажется сложной задачей, по крайней мере социология не дает нам ответов, которые можно

было бы однозначно интерпретировать. Так, свежий опрос ВЦИОМ, проведенный 31 августа 2019 г., зафиксировал рост доли россиян, разделяющих мнение о снижении угрозы со стороны международного терроризма, при этом выросла доля тех, кто отмечает значительное усиление угрозы терроризма, более трети россиян высказались об ослаблении угрозы миру со стороны международного терроризма, а каждый второй респондент уверен, что террористические атаки на российских граждан сегодня маловероятны². Динамика восприятия терроризма представлена в табл. 1 и 2.

Таблица 1. Если сравнить угрозу миру со стороны международного терроризма пять лет назад и сегодня, то она, на Ваш взгляд, усилилась или ослабла?

	2009	2010	2011	2019
Значительно усилилась	9	9	9	15
Несколько усилилась	19	28	25	15
Осталась примерно такой же	40	37	46	22
Несколько ослабла	19	17	13	23
Существенно ослабла	2	2	1	15
Затрудняюсь ответить	11	7	6	10

Таблица 2. Как Вы оцениваете вероятность террористических атак на российских граждан? (закрытый вопрос, один ответ, % всех опрошенных)

	Все опрошенные
Полностью уверен, что случится	3
Скорее случится	29
Скорее не случится	41
Полностью уверен, что не случится	12
Затрудняюсь ответить	15

К еще одной интересной позиции данного опроса мы вернемся позднее. Несмотря на то что социология фиксирует мнение о снижении уровня угрозы со стороны международного терроризма, традиционный опросный метод в части возможностей определения реального уровня социальных фобий зачастую подвергается критике. Так, авторы запущенного в 2019 г. проекта «Национальный индекс тревожностей» считают, что «регулярные социологические опросы не настроены на выявление персональных тревог, а пресса не может формировать информповестку, опираясь на частную жизнь граждан»³. Данный проект нацелен на ежеквартальное выявление «серой зоны» фобий граждан, формируемых СМИ и жизненным опытом россиян. Измерение, проведенное в первом квартале 2019 г., показало отличный от

² Война против террора: силы зла отступают? Обеспокоенность россиян угрозами, исходящими от мирового терроризма, снижается // WCIOM.RU: Офиц. сайт Всероссийского центра исследований общественного мнения. 2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9877> (дата обращения: 01.10.2019).

³ Доминирующие фобии в 1-м квартале 2019 г. // CROS.RU: Офиц. сайт коммуникационного агентства КРОС. 2019. URL: <https://www.cros.ru/ru/kb/research/1025/> (дата обращения: 01.10.2019).

традиционного опроса результат. Так, по суммарному индексу боязнь терактов заняла четвертое из десяти устойчиво воспроизводящих за отчетный период фобий. При этом авторы акцентируют внимание на том, что основным информационным поводом, вызвавшим выявленную актуализацию террористической угрозы, стала не атака террористов, а взрыв бытового газа в Магнитогорске 31 декабря 2018 г., что позволило сделать вывод, что «граждане по-прежнему боятся терроризма — любое новое ЧП скорее получит трактовку терроризма, чем более простое объяснение». Конечно, это еще не позволяет делать далеко идущие академически обоснованные выводы, но уже возможно предположить, что абстрактность угрозы терроризма порождает соответствующее восприятие его гражданами как некоего фона социальной жизни, способного придать соответствующий окрас широкому кругу происшествий.

Как мы уже отметили выше, властные структуры обладают широкой линейкой инструментов для интерпретации терроризма,кратно усиленной дисперсным состоянием последнего, благодаря чему борьба с терроризмом приобретает близкий к нему самому символизм. Так, например, учитывая сомнения в том, что ИГ в принципе обладает признаками организации, можно утверждать, что «очередная» ликвидация ее главаря Абу Бакра Аль-Багдади несет скорее символическое значение, нежели чем военное. Здесь мы можем опереться на исследовательскую программу П. Ибарры и Дж. Китсьюза [23], которые выделяют такие дискурсивные стратегии, как «депроблематизация ситуации», «декларация бессилия», «затраты», «опровергающие истории». Благодаря этому, в зависимости от внешней и внутриполитической конъюнктуры, теме терроризма на фоне, как мы предположили, уже сформировавшейся фобии людей, может уделяться разное внимание в повестке дня. В новейшей литературе по теме указывается, что «утверждение об увеличении уровня терроризма, которое на самом деле может быть связано исключительно с увеличением частоты сообщений об инцидентах, связанных с терроризмом, может привести к ошибочным выводам, а политика страха и ведет к опасной политике» [24, p. 111].

В известной концепции публичных арен упомянутых нами выше С. Хилгартнера и Ч. Боска определены требования, которым должна соответствовать социальная проблема, для того чтобы быть в повестке дня — интенсивная конкуренция за основное пространство, потребность в драматичности и новизне, опасность насыщения, ритм организационной жизни, культурные акценты, политические пристрастия.

Возвращаясь к вопросу о том, какое значение «новый терроризм» имеет для релевантной риск-рефлексии граждан, мы можем сделать такой вывод. В силу изменившегося характера терроризма граждане и социальные институты утрачивают точку опоры в определении реальной угрозы, исходящей от террористов на территории своего проживания, так как не могут использовать традиционные способы оценки текущей силы или слабости таких групп, как то: оснащенность, социальная поддержка, слабость властей и так далее — все эти факторы более не имеют значения, а детерминанты, пришедшие им на смену, скрыты от индивидов и институтов гражданского общества. Таким образом, конструктивные риск-рефлексии, лишившись рациональных основ своего существования, становятся зависимыми от политической интерпретации угроз элитными группами. Другими словами, везде-

сущий, неуправляемый, не выдвигающий требований международный терроризм приобретает функциональное значение для манипулирования риск-рефлексиями граждан.

Последняя мысль позволяет нам перейти к заключительной теме нашей статьи, которую мы сознательно не поднимали доселе: кто же является бенефициаром «нового терроризма», если сам он прежнюю субъектность утратил?

Очевидно, мы не в состоянии поставить окончательный диагноз и будем вынуждены вернуться к философским размышлениям начала статьи. Постисторический терроризм релевантен эпохе, в которой национальные государства и даже их союзы перестают быть единственными и самыми значимыми игроками на мировой арене. На смену государствам приходят транснациональные корпорации и непубличные союзы национальных элит, на место регулярных армий — частные военные корпорации. Это уже не тот простой мир, где представители антисистемы: левые, правые, фундаменталисты, антиглобалисты и др. — бросают вызов магистральному движению, это мир, пользуясь терминологией М. Хардта и А. Негри [25], «гражданской войны» внутри системы, которую ведут специфические игроки, никак не контролируемые национальными и международными гражданскими институтами. В связи с уже упомянутой мыслью Ж. Бодрийера о войне глобализации с самой собой, иными красками играет еще одна позиция, приводимого выше опроса ВЦИОМа: по мнению респондентов, наибольшая террористическая угроза в отношении российских граждан исходит не от ИГИЛ и других террористических группировок, а от США, т. е. один центр системы угрожает другому. Тезис, который логично вытекает из предыдущий посылки, чрезвычайно полемичен: если новый терроризм более не связан с противоборством антисистемы и системы, не стал ли он сам частью, пусть и не респектабельной, нового глобального порядка? Этот вопрос для настоящей статьи имеет скорее риторический характер.

Рассмотрев основные коллизии в отношении конфликтологии современного нам терроризма в контексте риск-рефлексивного подхода, мы можем сделать следующие краткие выводы:

1. Современный нам терроризм, описываемый как «супертерроризм» (Е. А. Степанова), «террористическая ситуация» (Ж. Бодрийер), «глобальная война» (М. Хардт, А. Негри), в значительной мере утрачивает присущие прошлому формату онтологические черты и характеризуется потерей какой-либо географической, культурной или политической локации, манифестируемые цели приобретают экзистенциальный характер, не предполагающий переговоров и реализуемой программы целей.

2. Изменившиеся параметры терроризма приводят к трансформации конфликта, в рамках которого он используется, в перманентную конфликтную ситуацию, принципиально не предполагающую перехода квазигрупп в реальные конфликтные группы с осознаваемыми интересами и потребностями, программой действий, не обладающую другими присущими конфликту элементами (объектом, предметом, зоной разногласий и др.), или же в нереалистичский конфликт, где террор и порождаемый им страх из инструмента политической борьбы превращаются в самоцель.

3. Изменившиеся параметры конфликта приводят к невозможности формирования у социальных групп, которым адресована террористическая атака, конструк-

тивной риск-рефлексии, позволяющей соотнести ответ на угрозы с реалистическими параметрами последней, напротив, реакция на терроризм приобретает характер социальной фобии, стихийно актуализирующийся и загущающей в результате манипулятивного воздействия на нее используемых элитными группами дискурсивных стратегий.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: РИПОЛ Классик, 2017. 226 с.
2. *Грякалов Н. А.* Фигуры террора. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 169 с.
3. *Gutorov V., Shirinyants A.* Modern terrorism as political and psychological phenomenon: The actual problems of interpretation // *Przegląd Strategiczny*. 2017. No. 10. P.277–293.
4. *Долин В. А.* Терроризм как феномен современного общества: онтологический аспект // *Вестник Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина*. 2019. № 1. С. 4–8.
5. *Baker-Beall C.* The evolution of the European Union's 'fight against terrorism' discourse: Constructing the terrorist 'other' // *Cooperation and Conflict*. 2014. Vol. 49(2). P. 212–238.
6. *Сунами А. Н.* Конфликт ценностей как социально-философское основание борьбы государства с наркорынком // *Вестник СПбГУ. Сер. Философия и конфликтология*. 2017. Т. 33, вып. 3. С. 381–388.
7. *Post J. M.* Response, Peace and Conflict // *Journal of Peace Psychology*. 2002. No. 8. P. 223–227.
8. *Tilly Ch.* Terror, Terrorism, Terrorists // *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22, is. 1. P. 5–13.
9. *Laqueur W.* Interpretation of terrorism: Facts, Fiction and Political Science // *Journal of Contemporary History*. 1977. Vol. 12, no. 1. P. 15–17.
10. *Степанова Е. А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. М.: Научная книга, 2010. 288 с.
11. *Сунами А. Н.* Взаимосвязь наркоторговли и международного терроризма в контексте общественной безопасности // *Конфликтология*. 2016. Вып. 2. С. 78–88.
12. *Miller E.* Global Terrorism in 2018 // *START*, College Park, October 2019. URL: https://www.start.umd.edu/sites/default/files/publications/local_attachments/START_GTD_TerrorismIn2018_Oct2018.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
13. *Стребков А. И., Алейников А. В., Сунами А. Н.* Российский молодежный экстремизм: проблемы понимания и противодействия // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9, № 4. С. 796–806.
14. *Finnane M.* Terrorism and government: Between history and criminology: Sir John Barry Memorial Lecture // *Australian & New Zealand Journal of Criminology*. 2013. Vol. 46 (2). P. 159–177.
15. *Qvortrup M. H.* Terrorism and Political Science // *The British Journal of Politics and International Relations*. 2011. Vol. 14 (4). P. 503–517.
16. *Sandler T.* The analytical study of terrorism: Taking stock // *Journal of Peace Research*. 2014. Vol. 51(2). P. 257–271.
17. *Dahrendorf R.* Toward a Theory of Social Conflict // *The Journal of Conflict Resolution*. 1958. Vol. 2, no. 2. P. 170–183.
18. *Nance M. W.* Terrorist Recognition Handbook. New York: Routledge, 2013. 440 p.
19. *Wight C.* Theorising Terrorism: The State, Structure, and History // *International Relations*. 2009. Vol. 23, no. 1. P. 99–106.
20. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
21. *Kiper J., Sosis R.* Why Terrorism Terrifies Us // *Taylor M., Roach J., Pease K. (eds) Evolutionary Psychology and Terrorism*. New York: Routledge, 2016. P. 102–123.
22. *Хилгартнер С., Боск Ч. Л.* Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // *Социальная реальность. Журнал социологических наблюдений и сообщений*. 2008. № 2. С. 73–94.
23. *Ibarra, P. R., Kitsuse, J. I.* Claims-making discourse and vernacular resources // *Miller G., Holstein J. A. (eds) Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems*. New York: Routledge, 2003. P. 17–50.
24. *Cubukcu S., Forst B.* Measuring Terrorism // *Homicide Studies*. 2018. Vol. 22(1). P. 94–116.

25. *Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire.* London: Penguin Books, 2005. 448 p.

Статья поступила в редакцию 4 ноября 2019 г.;
рекомендована в печать 11 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Сунами Артем Николаевич — канд. полит. наук, доц.; a.sunami@spbu.ru
Крюкова Ксения Вячеславовна — канд. полит. наук; k.krukova@spbu.ru

Conflict studies of modern terrorism in the context of a risk-reflection approach

A. N. Sunami, K. V. Kryukova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Sunami A. N., Kryukova K. V. Conflict studies of modern terrorism in the context of a risk-reflection approach. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 116–130. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.110> (In Russian)

The article examines the conflict nature of modern terrorism. It is proposed to consider this phenomenon through the prism of a risk-reflective approach. The article demonstrates that modern terrorism is losing its previous ontological features, attachment to a geographical, cultural or political location, and the goals that it manifests acquire an existential character. The current academic discussion around modern terrorism is analyzed and its basic interpretation is given as a means of conflictive action in a political struggle that is characterized by the use of open violence against the civilian population under a certain degree of protection of the opponent and, consequently, the formation of stable social phobias that influence political decision-making. Using original research interpretations of modern terrorism, such as “superterrorism” (E. A. Stepanova), “terrorist situation” (J. Baudrillard), “global war” (M. Hardt, A. Negri), and classic conflict theories expounded by L. Coser, R. Dahrendorf, K. Boulding, L. Kriesberg, the authors conclude that the changed parameters of terrorism lead as well to the transformation of conflict where it is used in a permanent conflict situation. This does not fundamentally imply the quasi-group’s transition into real conflict groups, or into an unrealistic conflict, where terror and the fear generated by it from an instrument of political struggle turns into an end in itself. As it is shown in the article, the ability of social groups to correlate a response to threats with realistic terrorism parameters is significantly reduced. The article raises the issue of the high danger of terrorism risk-reflection transition into the format of social phobia that is spontaneously activated and subsided as a result of the manipulative effect of discursive strategies used by elite groups on it. It is confirmed that the sum of costs generated by the new format of terrorism is becoming a serious factor for modern practices of maintaining the social order in conditions of global competition.

Keywords: terrorism, risk, risk-reflection, conflict management, discourse strategy.

References

1. Baudrillard, J. (2017), *The spirit of terrorism. The gulf war did not take place.* RIPOL Klassik Publ., Moscow, 226 p. (In Russian)
2. Gryakalov, N. A. (2007), *The figures of terror*, St. Petersburg University Press, St. Petersburg, 169 p. (In Russian)

3. Gutorov, V. and Shirinyants, A. (2017), Modern terrorism as political and psychological phenomenon: The actual problems of interpretation, *Przeglad Strategiczny*, no. 10, pp. 277–293. (In Russian)
4. Dolin, V. A. (2019), Terrorism as phenomenon of contemporary society: ontological aspect, *Vestnik Belgorodskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina*, no. 1, pp. 4–8. (In Russian)
5. Baker-Beall, C. (2014), The evolution of the European Union's 'fight against terrorism' discourse: Constructing the terrorist 'other', *Cooperation and Conflict*, vol. 49(2), pp. 212–238.
6. Sunami, A.N. (2017), Conflict of values as a socio-philosophical basis of state's war on illicit drugmarket. *Vestnik SpbGU, Ser. Filosofii i konfliktologii*, vol. 33, is. 3, pp. 381–388. (In Russian)
7. Post, J.M. (2002), Response, peace and conflict, *Journal of Peace Psychology*, no. 8, pp. 223–227.
8. Tilly, Ch. (2004), Terror, Terrorism, Terrorists, *Sociological Theory*, vol. 22, is. 1, pp. 5–13.
9. Laqueur, W. (1977), Interpretation of terrorism: facts, fiction and political science, *Journal of Contemporary History*, vol. 12, no. 1, pp. 15–17.
10. Stepanova, E. A. (2010), *Terrorism in asymmetrical conflict: ideological and structural aspects*, Nauchnaia kniga Publ., Moscow, 288 p. (In Russian)
11. Sunami, A.N. (2016), Public safety through the analyses of international terrorism and drug trafficking nexus, *Konfliktologiya*, is. 2, pp. 78–88. (In Russian)
12. Miller, E. (2019), *Global Terrorism in 2018*, START, College Park, available at: https://www.start.umd.edu/sites/default/files/publications/local_attachments/START_GTD_TerrorismIn2018_Oct2018.pdf (accessed: 10.10.2019).
13. Strebkov, A. I., Aleinikov, A. V. and Sunami, A.N. (2015), Russian youth extremism: problems of understanding and counteraction, *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, vol. 9, no. 4, pp. 796–806. (In Russian)
14. Finnane, M. (2013), Terrorism and government: Between history and criminology: Sir John Barry Memorial Lecture, *Australian & New Zealand Journal of Criminology*, vol. 46 (2), pp. 159–177.
15. Qvortrup, M.H. (2011), Terrorism and political science, *The British Journal of Politics and International Relations*, vol. 14 (4), pp. 503–517.
16. Sandler, T. (2014), The analytical study of terrorism: Taking stock, *Journal of Peace Research*, vol. 51 (2), pp. 257–271.
17. Dahrendorf, R. (1958), Toward a theory of social conflict, *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 2, no. 2, pp. 170–183.
18. Nance, M. W. (2013), *Terrorist Recognition Handbook*, Routledge, New York, 440 p.
19. Wight, C. (2009), Theorising Terrorism: The State, Structure, and History, *International Relations*, vol. 23, no. 1, pp. 99–106.
20. Foucault, M. (1996), *The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality. Works of different years*, Kastal' Publ., Moscow, 448 p. (In Russian)
21. Kiper, J. and Sosis, R. (2016), Why Terrorism Terrifies Us, *Evolutionary Psychology and Terrorism*, Taylor, M., Roach, J. and Pease, K. (eds), Routledge, New York, pp. 102–123.
22. Hilgartner, S. and Bosk, C. L. (2008), The rise and fall of social problems: a public arenas model, *Sotsial'naiia real'nost'. Zhurnal sotsiologicheskikh nabliudeni i soobshchenii*, no. 1, pp. 73–94.
23. Ibarra, P. R. and Kitsuse, J. I. (2003), Claims-making discourse and vernacular resources, *Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems*, Miller, G. and Holstein, J. A. (eds), Routledge, New York, pp. 17–50.
24. Cubukcu, S. and Forst, B. (2018), Measuring Terrorism, *Homicide Studies*, vol. 22(1), pp. 94–116.
25. Hardt, M. and Negri, A. (2005), *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*, Penguin Books, London, 448 p.

Received: November 4, 2019
 Accepted: December 11, 2019

Authors' information:

Artem N. Sunami — PhD of Political Sciences, Associate Professor; a.sunami@spbu.ru
 Kseniya V. Kryukova — PhD of Political Sciences, Senior Lecturer; k.krukova@spbu.ru